

УДК 821.161.1:81'373.422

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМ *ГРЕХ* И *ДОБРОДЕТЕЛЬ* В КОМЕДИИ Н. В. ГОГОЛЯ «РЕВИЗОР»

А. В. Некрасова

Тверской государственной университет
кафедра русского языка

В статье выявляются основные принципы речевой объективизации лексем *грех* и *добродетель* в тексте комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», рассматриваются и характеризуются их конститuentы, предпринята попытка выявить индивидуально авторскую концепцию мира.

Ключевые слова: *речевая объективизация, семантическое поле, синонимический ряд, конститuentы содержательных полей.*

Комедия «Ревизор» Н. В. Гоголя – очень сложное произведение, и, несмотря на то, что комедии уже более 170 лет, интерес к ее изучению до сих пор не угасает. Ю. В. Манн, говоря о первой реакции современников Гоголя на «Ревизора», отмечает состояние писателя: «Угнетало не только недоброжелательство и брань, но и грубое непонимание замысла комедии» [6, с. 1217]. М. С. Щепкину Гоголь писал: «Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого... Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня...» [6, с. 1207]. Причиной неоднозначного и негативного отношения к произведению разных социальных групп людей является содержание комедии и уровень читателя [4].

Одним из положений, выводимых при исследовании произведения Гоголя, становится выявление способов объективизации лексем *грех* и *добродетель*, лексическое наполнение данных концептов, обозначение особенностей воплощения авторского замысла, для которого использование языковых средств в пределах содержательных полей *грех-добродетель* также служит универсальной установкой писателя на охват материала.

Материалом для статьи послужили собственное исследование текста комедии «Ревизор», анализ экранизаций и постановок спектаклей по одноименному произведению и данные лексикографических источников.

В произведении показан порок во всей своей полноте: *тщеславие, высокомерие* – первое, что обнажается здесь. «Ведь почему хочется быть генералом? – потому что, случится, поедешь куда-нибудь – фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там, на станции, никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаешь где-нибудь у губернатора, а там – стой, городничий! Хе, хе, хе! (Заливается и помирает со смеху.) Вот что, канальство, заманчиво!» [2, с. 458] – мечтает городничий. Жена его мнит себя генеральшей и не готова «всякой мелюзге оказывать покровительство» [2, с. 462]. Хлестаков оказывается во власти гордыни и не может остановиться: «Что я ему, разве купец или ремесленник?» [2, с. 429-430]. Слуга его, Осип, грубо и

отрывисто разговаривает с барином и любит, когда «всякой тебе говорит «вы» [2, с. 426]. Судья Аммос Федорович вольнодумен и, судя по всему, исключает существование Бога, рассуждая о сотворении мира: «Да ведь сам собою дошел, собственным умом» [2, с. 419], однако же, в тяжелую минуту призывает: «Вывози, Пресвятая Матерь!» [2, с. 445].

В семантическое поле *гордыня* входят следующие лексемы: *гордость, гордый, гордиться, гордословие, гордоначалие* [3]. Синонимический ряд лексемы *гордость* (качество, свойство гордого) представлен в тексте синонимами *высокомерие, тщеславие, вольнодумство, значительность, важность*. Качество *гордый* (надменный, кичливый, высоковоинный) реализовано в реплике почтмейстера о Хлестакове: «А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем спрашивает» [2, с. 445]. Здесь у Гоголя появляется еще один аспект этого значения, где *гордый* означает *не интересующийся жизнью другого, не задающий вопросов, точнее, не констатирующий факты* («Ведь вы здесь всегда живете? Ведь это не столица? Ведь это только в столице бонтон?..») [2, с. 445].

Действие по глаголу *гордиться* (быть гордым, кичиться, зазнаваться, чваниться, спесивиться; хвалиться чем, тщеславиться; ставить себе что-либо в заслугу, в преимущество, быть самодовольным) встречаем в репликах Хлестакова: «...да приехать домой в петербургском костюме, в карете, подкатить этаким чертом» [2, с. 428]; «как же, они едят, а я не ем...» [2, с. 429]; «чтобы так, как фельдъегеря, катили и песни пели» [2, с. 450]. Нечто подобное слышится и в реплике городского помещика: «Скажите всем там вельможам разным: живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский» [2, с. 449]; и Анны Андреевны: «Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеял» [2, с. 458]. Основанием для гордости здесь являются внешний вид, лоск, предметы туалета, экипаж, либо оснований для этого нет вообще («как же они едят, а я не ем?», «живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский»).

Гордословие (гордые, надменные речи) составляет самую обширную группу высказываний персонажей комедии и проявляется, во-первых, в принижении, оскорблении, обнулении других. Сравним: «А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем придавил бы его» [2, с. 432]; «Хоть бы народ-то уж видный, а то худенький, тоненький. Как его узнаешь, кто он? Еще военный-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку – ну точно муха с подрезанными крыльями» [2, с. 441] (Городничий о Хлестакове); «Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей» [2, с. 445] (Хлестаков почтмейстеру); «твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник» [2, с. 458]; «ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? Не нужно тебе глядеть на них» [2, с. 455]; «да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство» [2, с. 462] (жена городничего). Надменность создается с помощью уничижительной лексики (муха, тряпка, сосулька, провинциальные гуси, какой-нибудь судья-собачник), слов с ярко выраженной экспрессивной окраской (мелюзга, вертопрах), словообразовательных элементов (низенький, худенький, тоненький, фрачишка, сосулька, полмизинца), с привлечением сравнений живого с неживым.

Во-вторых, гордые речи рождаются от почитания, позиционирования себя выше иных, взгляд «сверху вниз»: «Чина, званья не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши» [2, с. 465]; «молодого скорее пронюхаешь. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху» [2, с. 423]; «а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!» [2, с. 459] (городничий); «Он думает, что ему, как мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже» [2, с. 428]; «ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! Со мной не советую!» [2, с. 429] (Хлестаков); «Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице» [2, с. 459] (Анна Андреевна).

В-третьих, персонажи приписывают себе значимость за счет принадлежности к какой-либо важной инстанции или близости к важной персоне, и это дает им право высказываться пренебрежительно об окружающих: «Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин» [2, с. 462] (Анна Андреевна).

Герои «Ревизора» не проявляют *кротости, смирения*. В письмах валаамского старца указывается: «Свойства смирения видеть свои грехи, а в других – добрые качества; а гордости свойственно видеть в себе только хорошее, а других – только худое» [7]. Обратим внимание, что Хлестаков именуется чиновников хорошими, добрыми людьми: «Судья – хороший человек» [2, с. 445]; «Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей» [2, с. 446]; «Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы» [2, с. 449]. Городничий говорит Осипу: «А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек... Ну что, друг, право, ты мне очень нравишься» [2, с. 442]. Хорошим, добрым здесь характеризуется полезный человек, то есть способный дать займы денег, достойно накормить, услужить, выложить подробности дела.

Добродетели в комедии представлены в вывернутом виде. *Любовь* как отношение между мужчиной и женщиной проявляется в тексте как нечто поверхностное и непродолжительное, в форме флирта: «Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда...» – «Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда не знала, что за любовь...» [2, с. 454] (Хлестаков, Марья Антоновна); «Я страх люблю таких молодых людей! Я просто без памяти» [2, с. 440] (Анна Андреевна). Можно говорить о гиперболизации степени чувства в описании любви, связанной со смертью и безумием: «Сударыня, вы видите, я сгораю от любви» [2, с. 454]; «я хочу знать, что мне такое суждено: жизнь или смерть» [2, с. 455]; «я могу от любви свихнуть с ума» [2, с. 456]. О положительных эмоциях, испытываемых от любви, говорит Хлестаков: «По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне...» [2, с. 446]; почтмейстер, давший денег, получает отзыв: «Я люблю таких людей» [2, с. 446]. В целом персонажи обозначают словом *любовь* свои притяния, вкусы и страсти к вещам: люблю палевое (о платье), люблю поесть, хорошую кухню (о еде), люблю радушие,

чтобы приняли хорошо, не люблю церемонии, не люблю отказывать себе в дороге (о комфорте и удовольствиях) и др. Поскольку в русском языковом сознании был выделен когнитивный признак эмоциональной связи ненависти и любви [1, с. 169], городничий, можно сказать, из любви берет взятки: «А я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти» [2, с. 420].

Городничий считает, что он верующий человек: «Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви» [2, с. 419]. Но эта вера оказывается обыкновенной формальностью; можно откупиться атрибутом веры огромных размеров, ободрав при этом жителей города: «Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску» [2, с. 424–425]. В семантическое поле *вера* входит сема *грех*: «Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят» [2, с. 419].

Речь городничего (как и некоторых других персонажей) изобилует лексикой христианского порядка: «христианское человеколюбие» [2, с. 431]; «грешен, во многом грешен» [2, с. 424]; «смертный» [2, с. 431]; «в вере тверд» [2, с. 419]; «помилуй нас, грешных» [2, с. 422]; «от простоты души», «от полноты души» [2, с. 432]; «уповая на милосердие Божие» [2, с. 435]; «благодарение Богу», «пред добродетелью все прах и суета» [2, с. 437]; «не памятозlobен», «Бог простит» [2, с. 459]. Однако после отъезда Хлестакова его тон совершенно меняется, но он этим не тяготится: «Что ж, слово не вредит» [2, с. 458]. И в припадке ожидания расправы над купцами не забывает ввернуть: «Еще мальчишка, “Отче наш” не знаешь, а уж обмериваешь...», «Ну, ступай с Богом!» [2, с. 459].

Показателен сон городничего: «Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! Пришли, понюхали – и пошли прочь» [2, с. 417]. Сцена не только создает комический эффект, так как городничий произносит эту реплику очень серьезно, но и указывает на будущие события: возможно, речь идет о прибытии ревизоров, мнимого и реального. Однако здесь и грозное предзнаменование, так как крыса символизирует всеобщее отвращение, смутное беспокойство, скрытую боль, а увиденная во сне, означает «присутствие изнуряющих навязчивых идей, или имеет отношение к смерти: исчезновение одной из сторон личности, раскрошенной зубом времени» [5, с. 204-205]. Богоотступничество и есть то зло, от которого «страшно на этом свете, господа...», тем более покаяния не происходит («пришли, понюхали – и пошли прочь»).

Анализ конститuentов содержательных полей *грех* и *добродетель* и лексических средств, эксплицирующих исследуемые лексемы, позволяет сделать следующие выводы:

- 1) в комедии «Ревизор» отражены лексемы, объективирующие, главным образом, грех, в чем заключается смысл обличения;
- 2) интерпретация греховного и добродетельного персонажами комедии искажена, вывернута, что в религиозном понимании называется у Гоголя пошлостью, «искажением в себе образа Божия» [4].

Список литературы

1. Антология концептов [Текст] ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 352 с.
2. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений [Текст] : в 1 т. / Н. В. Гоголь – М. : Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2009. – 1231 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / В. И. Даль. – Режим доступа: <http://www.softportal.com/software-3788-tolkovij-slovar-v-dalya.html>. – Дата обращения: 17.08. 2012. – Загл. с экрана.
4. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений [Электронный ресурс] / М. М. Дунаев. – Режим доступа: http://palomnic.org/bibl_lit/bibl/dunaev/9/. – Дата обращения: 16.08.2012. – Загл. с экрана.
5. Жульен, Н. Словарь символов [Текст] / Н. Жульен. – М. : Урал LTD, 1999. – 500 с.
6. Манн, Ю. В. Николай Васильевич Гоголь. Жизнь и творчество [Текст] / Ю. В. Манн // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. – М. : Изд-во АЛЬФА-КНИГА, 2009. – С. 1211–1227.
7. Складаревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры [Текст] / Г. Н. Складаревская. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.

OBJECTIVE OF LEXEME “SIN” AND “VIRTUE” IN THE COMEDY OF NIKOLAY GOGOL "INSPECTOR"

A. V. Neckrasova

Tver State University
The Department of Russian Language

The paper identifies the basic principles of speech tokens objectification of lexeme “sin” and “virtue” in the text of the Nikolay Gogol’s comedy "Inspector". There are considered and characterized their constituents and attempted identifying the individual author's conception of the world.

Key words: *speech objectification, semantic field, a number of synonyms, constituents content fields.*

Об авторах:

НЕКРАСОВА Анна Вячеславовна – соискатель кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: nekrasova3004@yandex.ru